

ПРОБЛЕМА ПРОНИЦАЕМОСТИ КУЛЬТУРЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена проблеме проницаемости культуры, которая приобретает особую актуальность в условиях усиления интенсивности межкультурных коммуникаций в современном мире. Проницаемость культуры трактуется автором, с одной стороны, как источник социокультурной динамики; с другой – как фактор дестабилизации общества и личности в модернизирующихся обществах.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, социокультурная динамика, культура, культурный иммунитет, проницаемость культуры.

В начале XXI века становится все более очевидным, что мир развивается по пути усиления взаимосвязи и взаимозависимости культур. Современные информационные технологии определяют не только скорость и масштабность межкультурных коммуникаций, но и их непредсказуемый, неконтролируемый и неуправляемый характер. С одной стороны, интенсивный и неравномерный культурный обмен ведет к унификации, стандартизации национальных культур, снижению культурного разнообразия, являющегося адаптационным потенциалом общества. С другой – несмотря на активный культурный обмен между различными социокультурными системами, многие из них сохраняют свою самобытность и целостность. А настоячивые попытки национальных элит перекроить общественное устройство по лекалам западной цивилизации встречают непреодолимое сопротивление культур.

В этих условиях особую актуальность приобретает проблема межкультурного взаимодействия, его эффективности, возможных рисков и последствий, а также факторов, определяющих устойчивость его результатов. Одним из важнейших аспектов данной проблемы является проблема проницаемости культуры для инокультурных влияний, которая на сегодняшний день остается практически не исследованной в культурологической литературе. Под проницаемостью культуры следует понимать способность культуры в результате межкультурной коммуникации усваивать инокультурную информацию, ведущую к изменениям ее качественных и количественных характеристик и влияющих на ее дальнейшую «судьбу». Проницаемость культуры носит амбивалентный характер: с одной стороны, она выступает как мощный фактор социо-

культурной динамики, обеспечивая обновление культуры, ее разнообразие и вариативность. С другой – высокая степень проницаемости культуры способна привести к утрате ею стабильности и устойчивости, разрушению механизмов, обеспечивающих воспроизводство культуры в ее единстве и целостности.

Следовательно, без осмысления данной проблемы невозможно понимание закономерностей социокультурной динамики, взаимодействия культур и межкультурной коммуникации в современном мире. Известные в культурологической науке две модели межкультурного взаимодействия: закрытая (О. Шпенглер и Н.Я. Данилевский) и открытая (А. Тойнби) – не могут в достаточной мере объяснить всей сложности и многогранности данных процессов в современном мире, поскольку характер и результаты межкультурного взаимодействия оказываются зависимыми от множества факторов, причин, условий.

Исследование проблемы проницаемости невозможно без исследования самой культуры, ее базовых характеристик и функций. В современной гуманитарной науке насчитывается огромное множество определений культуры: семиотических, аксиологических, деятельностных и пр. Однако наиболее продуктивным, с точки зрения задач данной работы, представляется определение культуры как универсальной адаптивно-адаптирующей системы. Культура – это «функционально обусловленная структура, имеющая внутри себя явно выраженные механизмы самосохранения, даже в меняющихся культурно-политических условиях, способствующие как адаптации своих членов к внешнему – природному и культурно-политическому окружению (в этом – адаптивная функция культуры), так и приспособ-

сабливанию внешней реальности к своим нуждам и потребностям (адаптирующая функция культуры)», или «совокупность адаптивных моделей» того или иного сообщества [1, с. 42].

Результатом адаптации общества к специфическим условиям своего существования является *культурный иммунитет* – невосприимчивость культуры к чужеродным влияниям, разрушающим ее целостность и единство и подрывающим ее адаптивный потенциал. Следовательно, культуру можно определить как символическую иммунную систему, обеспечивающую самосохранение общества.

Культура – это иммунная система общества, поскольку:

1) подчиняя личность своим требованиям и нормам, она выступает как технология формирования личности, адекватной для данного общества, а следовательно, обеспечивает его самосохранение и стабильность;

2) она обеспечивает единство и согласованность действий людей. Подчинение единым принципам и нормам делает поведение человека в обществе предсказуемым, прогнозируемым, обеспечивая упорядоченность общества и доверие человека к миру;

3) создавая простую и ясную картину мира, она дает человеку возможность непринужденной ориентации в житейском процессе посредством символов, ценностей, норм;

4) она обеспечивает легитимацию существующих общественных порядков, институтов, образцов с позиций базовых ценностей общества;

5) она определяет отношение общества к вновь созданным ценностям культуры, а также к ценностям, заимствованным из других культур, осуществляя их оценку, селекцию и интеграцию в социокультурную систему.

Процесс усвоения инокультурной информации – сложный, противоречивый процесс, так как культура стремится защитить свою целостность и единство и отвергает новации, которые не соответствуют ее «ядру». Легче усваиваются материальные, утилитарные новации; гораздо сложнее – духовные. Хотя разграничить духовное и материальное в культуре весьма сложно. Зачастую изменение даже незначительных, на первый взгляд, элементов материальной культуры или быта вызывает бурный протест и неприятие как нарушение сакральной

традиции, образа сакрального порядка, отраженного в глубинных, «ядерных» структурах культуры. Так, например, бранение, введенное Петром I, воспринималось не просто как изменение некоторой бытовой нормы, а признак «латинства», покушение на сами устои православной веры. Маскарадное переодевание осмысливалось как один из наиболее устойчивых признаков бесовства и допускалось лишь в тех ритуальных обрядах рождественского и весеннего циклов, которые символизировали изгнание бесов и в которых отразились пережитки языческих представлений, сохранившихся в русском православии. Поэтому маскарады проникали в дворянский быт с трудом либо приурочивались к православному календарю, сливаясь с фольклорным ряжением [2, с. 100].

Б.С. Ерасов выделяет следующие факторы, способствующие позитивному взаимодействию различных культур:

1) степень сложности и дифференциации принимающей культуры. Общество, располагающее развитыми системами морали, права, художественной культуры, философии, оказывается в состоянии адаптировать функционально приемлемые нововведения, не подрывая свои духовные основы, и наоборот;

2) длительность контакта, возникающая, например, на основе поддержания торговых связей между странами. Растянутое во времени взаимодействие оказывает на принимающую культуру большее влияние, чем мощные, но кратковременные военные конфликты, так как вызывает не шоковое состояние и отторжение, а привыкание и постепенное принятие;

3) политические условия взаимодействия. Например, зависимость, угнетение порождают культурный протест, противостояние всему тому, что несет в себе господствующая культура [3, с. 101].

Однако необходимо отметить, что в данном положении за пределами внимания оказываются собственно культурные, а именно семантические, содержательно-смысловые характеристики взаимодействующих культур: их базовые ценности и установки, культурная картина мира и менталитет, устойчивые образцы деятельности. Поэтому указанные факторы могут быть дополнены еще одним, а именно:

4) культурная дистанция между взаимодействующими сообществами, их принадлежность

к определенному цивилизационному ареалу, определяющая «ядерные» характеристики культур, например их принадлежность к западному или восточному типу культур.

Как известно, всякая культура есть целостность, специфика которой определяется множеством факторов: природно-климатических, исторических, геополитических и т. д. Вместе с тем следует подчеркнуть, что всякая развитая культура не есть «связный нарратив, который легко изложить» [4, с. 164], а совокупность конкурирующих и раскалывающих целостность нарративов, границы которых проницаемы, непостоянны и изменчивы. Поэтому при анализе процессов межкультурной коммуникации следует, на наш взгляд, говорить не столько о культуре вообще, сколько о том синергичном эффекте, который определяется взаимодействием и взаимовлиянием различных культурных единиц.

Каждая из форм культуры: мораль, право, философия, наука, политическая и бытовая культура – обладает не только содержательно-функциональным своеобразием, но и различной способностью к взаимодействию с соответствующими элементами «чужой» культуры. Так, художественно-эстетическая информация, в отличие от философской, общественно-политической, научной, не требует специальной подготовки представителей принимающей культуры. Особенно музыка, которая обращается к антропологическим универсальным началам человеческой психики, а потому не требует специальной адаптации к инокультурной среде, как литература, драматургия, театр [5, с. 80-81].

Таким образом, различная степень проницаемости фиксируется на разных уровнях культуры:

- на уровне «ядра» («центральной зоны») и «периферии» культуры;
- на уровне специализированных областей культуры и на обыденном уровне;
- на уровне различных субкультурных элементов: дворянская и крестьянская, городская и сельская субкультуры по-разному реагируют на культурные новации;
- на уровне различных форм культуры: хозяйственная культура, религия, искусство также обладают различными возможностями своего обновления;
- на уровне официальной, господствующей культуры и контркультурных форм;

– на этническом, национальном и цивилизационном уровнях и т. д.

Различная степень проницаемости характеризует культуру и в различные исторические эпохи. Так, в российской культуре советского периода, характеризующейся стилевым однообразием, проницаемость культуры была минимальной, поскольку любая инокультурная информация «фильтровалась» по идеологическому критерию; в периоды радикальных реформ, в том числе и в постсоветский период, – максимальной, не сдерживаемой практически никакими ограничителями и «фильтрами».

В силу различной проницаемости культурных форм развитие, изменение и обновление различных элементов культуры как единой системы приобретает асинхронный характер. Так, материальные и духовные формы культуры, обеспечивающие адаптацию народа к своей природно-экологической среде, – это, по Ф. Броделю, «время большой длительности», а следовательно, их изучение предполагает рассмотрение огромных временных периодов (тысячелетий). К тому же «медленному времени» истории относятся элементы культуры, обеспечивающие адаптацию человека к экзистенциальным условиям своего существования и определяющие особенности ценностно-смысловой, символической сферы культуры, ее «ядра». Более быстрый временной ритм имеют процессы социально-экономического, информационного, научно-технического, художественного развития. Процессы данного уровня не столь протяженны, но и они могут растягиваться, по меньшей мере, на десятилетия. И, наконец, «время короткое, нервное, прерывистое» – это время событийное, на шкале которого реализуются механизмы государственной организации и регулирования, управления и самоуправления и т. д.

Вследствие этого и развитие культуры приобретает нелинейный, пульсирующий характер. Развитие культуры – не линейный, односторонний процесс движения от простого к сложному, а циклический процесс, в рамках которого чередуются фазы подъема и упадка, ускоренного прогрессивного развития и движения «вспять». В данном случае фазы движения «вспять» создают тот временной лаг, который необходим для синхронизации процессов социокультурной динамики на микроуровне культуры.

Таким образом, различная степень проницаемости структурных элементов культуры является главной предпосылкой:

- пульсирующего характера социокультурного развития, в ходе которого преодолевается асинхронность развития элементов культуры;

- различий в соотношении традиций и новаций в различных сегментах социокультурного пространства: для более динамичных элементов характерно преобладание новаций, для менее динамичных – традиций;

- возникновения неожиданных, нелинейных эффектов в развитии культуры: например, модернизация научной, военной, технологической сферы порождает неожиданный взлет в искусстве – сфере, наиболее динамичной и чувствительной к внешним флуктуациям;

- возникновения эффекта «резонанса», многократного усиления динамики развития, когда управленческое воздействие оказывается согласованным с темпами и ритмами развития социокультурной системы, ее отдельных структурных элементов.

Различная степень проницаемости культуры определяет основные результаты межкультурного взаимодействия. Следствием высочайшей степени проницаемости культуры становится культурная ассимиляция, когда культура-реципиент практически «растворяется» в культуре-доноре. Абсолютная непроницаемость культуры характеризует сепарацию – физическую и/или информационную изоляцию культуры от внешнего влияния, от любого столкновения с инокультурным воздействием.

Именно различная степень проницаемости культурных элементов в «ситуации неэквивалентного культурного обмена» [6, с. 422] становится главным фактором дестабилизации общества и личности в современных модернизирующихся обществах. Глубинным истоком данной ситуации является потеря внутренней самодетерминации общества [7], то есть утрата значимости идеалов и принципов, которые выполняли роль духовных оснований общества, определяя его развитие. Вследствие потери собственных ориентиров развития возникает потребность общества в инокультурных ценностях и образцах. Происходит активное проникновение чуждых культурных влияний из сферы более напряженной культурно-информационной жизни в область пониженного культурного давления.

В условиях неэквивалентного культурного обмена между культурой-донором и культурой-реципиентом поток информации усваивается принимающей культурой с разным успехом. Легче всего усваивается социокультурная информация: мода, представления о престижном, вкусы и стандарты потребления. Этот уровень информации обладает повышенной коммуникативностью благодаря средствам массовой информации, рекламе, индустрии досуга и потребления. Труднее всего усваиваются глубинные слои народного сознания, культурные архетипы, бессознательные установки и комплексы, то есть то, что философы называют «ядром» культуры, обладающим определенным запасом прочности, «культурным иммунитетом». Также сложно усваиваются цивилизационные стандарты, средства технологического, прикладного использования накопленной информации. Если социокультурная информация определяет цели, стремления, идеалы членов того или иного общества, то прикладная, технологическая информация – способы достижения этих целей.

В данной ситуации неизбежно возникает противоречие между терминальными и инструментальными ценностями культуры. Как известно, терминальные ценности (ценности-цели) составляют сферу устремлений личности, это такие ценности, как социальное положение, богатство, жизненный успех и т.д. Инструментальные (ценности-средства) определяют, регулируют и контролируют приемлемые способы достижения этих целей (образование, труд, исполнительность, честность). Однако многие средства, являющиеся эффективными для достижения желаемых ценностей, не относятся к морально и институционально одобряемым способам действия.

В этих условиях выбор средств достижения целей оказывается зависимым от уровня нравственного развития личности. Так, нравственная личность выбирает законные, но неэффективные средства и постоянно сталкивается с ситуацией неудачи, неуспеха. Безнравственная личность предпочтет незаконные, но эффективные средства, что в свою очередь, как показал американский социолог Р. Мертон [8], порождает асоциальное, девиантное поведение.

Фактором усиления этого противоречия являются средства массовой информации, ко-

торые в огромной степени повышают уровень притязаний в обществе. И телевидение, и радио изо дня в день, из часа в час демонстрируют образцы одежды, продуктов, видов отдыха, стимулируя потребности индивида, но, с другой стороны, он жестко ограничен фактическими препятствиями на пути их удовлетворения. Постоянный разрыв между желаниями личности и их осуществлением порождает неудовлетворенность личности, фрустрированность и ощущение полной беспомощности. Именно об этих противоречиях писала К. Хорни в книге «Невротическая личность нашего времени» [9], подчеркивая, что сидящая в душе каждого человека неопределенность в отношении этих ценностей является источником неврозов современного человека.

Таким образом, «революция притязаний» формирует многомиллионные массы людей, не удовлетворенных своим настоящим положением, находящихся в состоянии постоянной фрустрации, тревоги, смятения. Идет мощный процесс маргинализации общества, превращения его во «внутренний пролетариат», так как, по мнению А. Тойнби, «истинным признаком пролетария является не бедность и не низкое происхождение, а постоянное чувство неудовлетворенности, подогреваемое отсутствием законного места в обществе и отторжением от своей общины» [7, с. 346].

С позиций А.Я. Флиера, именно социальные маргиналы в любом обществе являются той силой, которая устанавливает тоталитарные режимы. Не имея возможности добыть желаемые блага законными способами, в здоровой социальной конкуренции, они берут их силой. Массы маргиналов, «гениев фрустрации», возникают в обществе, в котором люди лишены стимулов к честной социальной конкуренции законными способами, в котором добросовестный труд, высокий профессионализм, качественное образование не являются гарантией жизненного успеха [10, с. 183].

Именно таким обществом является сегодня Россия. В условиях современного российского общества противоречие между терминальными и инструментальными ценностями культуры предельно обострено, так как, с одной стороны, за счет активных потоков социокультурной информации постоянно растут притязания личности; с другой – экономические, политические

и пр. условия кризисного социума жестко ограничивают достижение ею любых целей.

Необходимо отметить, что в советском обществе, отгородившемся от западного «железным занавесом», фильтрующим социокультурную информацию по идеологическому критерию, данное противоречие не проявлялось так ярко. Сегодня, когда открыты все границы и занавесы для информации с Запада, эта информация, поднимая уровень притязаний, не имеющих материальных условий для их реализации, становится миной замедленного действия, подрывающей стабильность общества. Ведь, как считает А.С. Панарин, трагедия русского обычного сознания состоит в неадекватном прочтении западного опыта, ибо им воспринимается не внутренняя аскеза труда, профессиональная ответственность и законопослушание, присущие западному обществу, а его внешние плоды в виде высокого уровня потребления, комфорта, индустрии досуга и развлечений [11, с. 89]. Такая односторонняя имитаторская вестернизация ведет к появлению «расколотого человека» – человека, который, по словам А.А. Зиновьева, хочет совместить «коммунистическое безделье и паразитизм с западным изобилием», кому «нужны не трудности Запада, а его блага, – и не в отдаленном будущем, а немедленно, не в жестокой борьбе и ценой усилий, а без труда и препятствий» [12, с. 441-442]. Иными словами, это человек, который хочет жить в современном обществе, пользуясь его техническими достижениями и благами, и в то же время не слишком веря в частную собственность, ценность личности, инициативы и предприимчивости, в достижении этих благ уповает на принцип патриархальной уравнительности и справедливости.

В данных условиях возможны два варианта «ответа» общества на «вызов» глобализации, связанный с усилением информационных потоков и культурной экспансией Запада. Первый характерен для консервативного романтизма, отстаивающего идею сохранения традиционных культур за счет их «закрытия», самоизоляции от внешних влияний. Однако, на наш взгляд, этот путь защиты культуры бесперспективен, так как он закрыл бы для общества возможность перехода к информационной цивилизации. Кроме того, появление новых информационных технологий вообще несовместимо с прежними поли-

тическими границами и идеологическими барьерами. Все они оказываются пористыми, проницаемыми, свободно и беспрепятственно пропускающими потоки информации. Это знаменует начало процесса непрерывно возрастающего интенсивного взаимодействия различных культур и повышенной аккультурации.

Второй подход, который условно может быть назван гуманитарным, рассматривает средства, позволяющие в определенной степени сгладить указанное противоречие. Так, например, образование может стать тем «фильтром», который помогает человеку правильно воспринимать и осваивать инокультурную информацию, правильно ориентироваться в ней. В данном случае особое значение приобретает гуманитарное, культууроформирующее содержание образования, то есть такое содержание, которое учит ребенка ориентироваться в культурной среде современного общества, понимать специфику и уникальность различных культур, особенности их динамики.

Таким образом, для самосохранения и развития общества необходима определенная сте-

пень проницаемости культуры, которая позволила бы, с одной стороны, сохранить ее самобытность и уникальность, с другой – обеспечить ее развитие и обновление. Следовательно, мы можем обозначить в самом общем виде основные критерии эффективности межкультурного взаимодействия:

1) сохранение / утрата культурного своеобразия, самобытности в результате межкультурного взаимодействия;

2) наличие / отсутствие тенденции к продуктивному росту, развитию и усложнению культуры;

3) степень вовлеченности представителей данной культуры в инновационные процессы.

Последнее положение приобретает особое значение в связи с процессами модернизации в современном мире, поскольку локализация инновационных процессов в отдельных сегментах социокультурного пространства, во-первых, придает социокультурной динамике анклавный, фрагментарный характер; во-вторых, становится фактором социокультурного раскола и усиления конфликтогенности в обществе.

Список использованной литературы:

1. Лурье, С.В. Историческая этнология: учебное пособие. – М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004.
2. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство – СПб, 1994.
3. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2003.
4. Ерасов, Б.С. Социальная культурология: пособие для студентов высших учебных заведений. – В 2-х ч. Ч. II. – М.: АО «Аспект Пресс», 1994.
5. Каяк, А.Б. Методология исследования культурных обменов в музыкальном пространстве. – М.: Академический проект, 2006.
6. Панарин, А.С. Философия политики. Учебное пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. – М.: Новая школа, 1996.
7. Тойнби, А. Дж. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1996.
8. Мертон, Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности / Современные буржуазные теории. – М.: Прогресс, 1966.
9. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени; Самоанализ. – М.: Прогресс - «Универс», 1993.
10. Флиер, А.Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. – 1998. – №3.
11. Панарин, А.С. Заблудившиеся западники и пробудившиеся евразийцы. // Цивилизации и культуры. Вып. 1. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1994.
12. Зиновьев, А.А. Коммунизм как реальность. – М.: Центрполиграф, 1994.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант №09-03-81301а/У)